

О нем заговорили еще два года назад, когда он появился в Москве вместе с Мстиславом Ростроповичем и его оркестром. Выступил один-единственный раз, но внимание привлек самое пристальное. Еще бы, ведь Игнат Солженицын — сын знаменитого писателя!

Культура. — 1995. — 40 июня. — с. 8.

Что в имени тебе моем?

Концерт Игната Солженицына

Пианист не потряс тогда публику художественными откровениями. Кто-то «ворчнул» по этому поводу, но большинство проявило снисходительность: мол, и у самых признанных бывают неудачи. А здесь, возможно, сказалось излишнее волнение (впервые ступил на родную российскую землю!), на молодость надо сделать скидку (ему было 19 лет) и на отсутствие опыта выступления перед незнакомой публикой, и прочая и прочая. Одним словом, снисходительность проявили, но имя нового пианиста запомнили. (А как же иначе!).

И вот — новый приезд. Естественно, известие о нем воспринято было как сенсация. Концерты Игната Солженицына в Москве и в Петербурге (по две программы — сольная и с оркестром в каждом из городов) организовали «Госконцерт» и Фонд содействия культурному обмену «ГОСКО».

На пресс-конференции артист сообщил журналистам, что на сей раз он чувствует себя в России по-другому, потому что приехал домой, здесь — семейный очаг. И вообще, судя по всему, за эти два года много перемен произошло в его жизни. Как сказано в пресс-релизе, Игнат Солженицын «уже считается одним из наиболее одаренных современных исполнителей, выступающих и как пианист, и как дирижер. Лирические и пронзительные интерпретации музыканта принесли ему признание критиков всего мира».

Большой зал консерватории, принимавший гастролера с сольным концертом, подготовился как нельзя тщательнее к приему столь

высокоцитимого гостя. Густая сеть микрофонных установок для записи перерезала зал, чтобы, не дай Боже, не пропустить ни одной детали, ни одного штриха в его интерпретациях сочинений Скарлатти, Шуберта, Шумана.

Цветы, настойчивое выпрашивание «бисов», неистовые «браво» — все было, как положено, и в количествах, традиционно отпускаемых знаменитостям. А меня, сказать честно, точил червь сомнения — на пользу ли молодому артисту такой «захлеб»? Ведь не даем мы ему расти, развиваться, совершенствоваться. Не потому ли, не достигнув еще зрелости, Игнат Солженицын ступил на дирижерскую стезю? А ведь сколько еще предстоит ему добиться в его первой профессии!..

Концерт в Большом зале это подтвердил. Мило, чистенько прозвучали сонаты Скарлатти. Мягко, прозрачно, хотя и несколько пошкольному. Зато в «Танцах Давидсбюндлеров» Шумана не оказалось самого главного — «свадебного настроя», «прекрасного волнения», которые, по словам композитора, обуревали его при сочинении этих пьес. Куда подевались ярко подчерченные у автора контрастные перепады настроений — то нежно-взволнованная лирика, то шутовство, острословие, то романтическая страстность и мальчишеский задор? Менялись динамика, темпы, иначе говоря — внешне все было соблюдено, а внутренней наполненности не было. И уж совсем не получилась Соната Шуберта: не хватало ощущения характерного, сугубо шубертовского стиля и чувства формы.

Уж это наше журналистское пристрастие к сенсациям! Право же, своими дифирамбами легко и вред принести тому, ради кого все старания. Совсем не убеждена, что оценка в «Таймс Гералд» творчества Игната Солженицына помогает ему трезво оценивать свои силы: «Игнат Солженицын, может быть, не так известен, как его отец, Александр Солженицын, лауреат Нобелевской премии, но, учитывая музыкальный талант молодого человека, есть все основания полагать, что он также станет всемирно известным».

Вот ведь как далеко зашло — и Нобелевская премия уже маячит! Ох, несвоевременные мысли...

Мариам ИГНАТЬЕВА.